

«Нюша-а-а!..» Это моя мама зовёт меня.

Она стоит на краю высокого обрыва, спускающегося к берегу Енисея. Этот обрыв с его жёлтым чистым песком — моё любимое место детских игр. Передо мною стена с сотнею стрижиных гнёзд, а внизу — Енисей. Мой любимый на всю жизнь Енисей! Чистый, свежий запах реки помню всегда... Он манил меня проплыть-проехать по Енисею до самого моря, но эту мечту мне так и не удалось осуществить.

Высокий тын из прутьев на краю кручи ограждает наш огород и бревенчатый дом, где я родилась в 1935 году. Сюда, в посёлок Кривляк, моих родителей, а также четверых братьев-сестёр привезли в трюме баржи по замерзающему уже Енисею в 1932 году. Простые крестьяне-труженики стали спецпереселенцами и работали на заготовке леса, который потом сплавляли по реке до Игарки.

До этого семья из шести человек жила в Читинской области, в Нерчинско-Заводском районе, на границе с Китаем. Этой границей была река Аргунь. Жили, растили хлеб, разводили скот, лошадей выращивали, трудились «от зари до зари», как говорила моя мама. Это были непьющие, честные, работающие люди. Я это поняла позже и до сих пор, в конце долгой жизни, восхищаюсь их порядочностью, стойкостью, с которой они вынесли столько трудностей, разных бед на своих плечах. Мама рассказывала, что когда стали организовываться колхозы, всем весь скот нужно было отдавать туда, но должного порядка в этом не было, скотина голодала, почти без присмотра. Люди возмущаться стали, назад, на свои подворья её уводить начали. Отец был среди них, и его, как и других, признали «врагом народа», посадили в тюрьму по пятьдесят восьмой статье. А семью «врага народа», как и многие другие семьи, решили выслать в Сибирь, в Красноярский край. Мама говорила, что имущество у них всё забрали, даже посуду, одежду. Провожала их вся деревня в ссылку, плакали, жалели детей. Нанесли им туеса с продуктами: яйца в гречке, кое-что ещё. До Сретенска ссыльные ехали на лошадях. Через реку Шилка перебрались на пароме, затем всех погрузили в товарные вагоны, набитые людьми. Лето. Жара. Кипяток на станциях брали, на остановках. В поезде — охрана. Люди лежали на полу, там же и отхожее место

было. Когда приехали в Красноярск, долгое время на пересыльном пункте находились. Много разных людей, грязно, пыльно.

Отца освободили, заменили ему срок ссылкой на Север, и он присоединился к семье. Народ погрузили на баржу, в тесные трюмы. Из четверых детей до места трое доехали: младшенькая, Ксения, умерла по дороге, как и многие другие дети, — скарлатина. Их хоронили на берегу реки. Плыла баржа по Енисею долго, до тех пор, пока не вмёрзла в лёд. Октябрь, холодно, по реке наледи, шуга. Еле доплыли до Кривляка. Стали на больших лодках — завознях — лёд пробивать и перевозить ссыльных на берег. Берег пустой: ни бараков, ничего. Велено было землянки рыть. Хорошо, что жили уже «старожилы» — люди, сосланные до них, тоже в землянках. Семья мамы зиму пережила у Кияшко (дочь Катя, брат Миша). Прожили так зиму. Весной стали строить деревянные бараки, к лету в них перешли, по несколько семей. Отгораживались семья от семьи пологами. Отец и мой старший брат сделали сруб на две семьи, так в этом доме и жили до 1949 года.

Посёлок Кривляк был заселён такими же, как и мы, раскулаченными. Позже привозили уже не кулаков, а других ссыльных, а во время войны — немцев с Поволжья и бандеровцев с Украины. Все дети дружили, я их помню до сих пор.

Ссыльные выживали трудом: выращивали картошку, овощи, держали скотину. И это всё в самых суровых местах, где было трудно и вырастить овощи, и животных содержать! Очень помогала тайга своими ягодами, грибами. Ловили и рыбу. Взрослые (женщины и мужчины, которые не попали на фронт по возрасту, как мой папа) работали на лесозаготовках. Эта работа проводилась только вручную: пилы-двуручки, которые нужно было точить, топоры для обрубки сучьев, а брёвна вывозили из леса на лошадях. Для них нужно было заготавливать сено, ухаживать за ними, готовить сбрую. На лесозаготовках не было абсолютно никаких технических средств. Я впервые увидела машины, когда была в четвёртом классе и с братом приехала в Красноярск к другому брату. Они оба прошли войну с первого до последнего дня и, израненные, вернулись в Кривляк. Вот тогда им разрешили уехать из места ссылки. В 1949 году вся наша семья покинула Кривляк и переехала в посёлок Нарва на реке Мана, где был участок по сплаву леса в Енисей. Больше я в Кривляке никогда не была, но всегда мечтала туда приехать.

Там, конечно, не осталось, наверное, никого из моего детства. Но мне бы хотелось побыть в тайге, которая начиналась сразу за

посёлком. Я и сейчас помню тропки, по которым ходила, собирая грибы на пеньках, обросших опятами. А ближе к огородам были болота, где ранней весной квакали лягушки, а мы собирали сладкую после зимы клюкву и морошку. А ещё в Кривляке были удивительной красоты цветы, которые цвели на крутых берегах Енисея.

В нашем посёлке никогда не было скандалов, пьяных разборок. Люди-то жили все порядочные, привычные к труду и порядку, потому и были они «кулаками». Я тогда ещё, в детстве, понимала, что не были мои родители «мироедами», «эксплуататорами». Просто своим трудом они создавали крепкое хозяйство, которым кормились. Как правило, всё делали сами и их подрастающие дети. Мама осталась без своего отца в раннем возрасте, как и её четверо сестёр. Служила в няньках, помогая матери. Мой папа с девяти лет стал хозяином дома и хозяйства после смерти отца. Он очень любил лошадей и вообще животных. Умел с ними обращаться. Его уже все последующие годы звали на помощь как знающего ветеринара. Он умел даже быстро вылечить животину от укуса змеи. Как он это делал, я, по детской глупости, тогда не спросила его. Дожил отец до восьмидесяти шести лет, не обращаясь к врачам.

Любимая моя тайга

Из всех впечатлений моего детства самое яркое (кроме Енисея) — это тайга, раскинувшаяся за посёлком. Зимой она была абсолютно непроходимая из-за снега. Летом же она — родная, любимая, с тропками, исхоженными людьми. Сразу за посёлком — огороды на земле, «отвоёванной» у леса. Среди посаженного картофеля то там, то тут — пеньки от срубленных деревьев, облепленные по осени опёнками. А дальше — кругом тайга.

Мы, дети, сами, чаще всего одни, без взрослых, ходили с корзинками в лес за грибами. Иногда их было так много, что на помощь призывали соседского пёсика Мальчика. У них была и лёгкая тележка с упряжью. Мы ставили на неё свои полные корзинки, и Мальчик послушно вёз домой наши грибы.

Любимое место в тайге — сосновый бор с огромными деревьями. Вместо обычной травы вся земля была покрыта белым мхом — ягелем, громко хрустевшим под ногами. Над белой поверхностью мха возвышались грибы боровики с коричневыми шапочками. Их было много. Картина необыкновенно красивая, изумляющая.

В этом же бору встречались и чистейшие плантации, по-иному не скажешь, с брусникой (бордовые) и черникой (синие).

Ягоды мы собирали специальными совочками с проводочными зубцами по краю. Её просто черпали, ведь ягодники были без травы. Кроме ягод из бора, по прибрежным зарослям росла смородина чёрная, красная, а ещё — черёмуха, шиповник. Ягод заготавливали очень много: их сушили и замораживали в фанерных ящиках на чердаке. Сушёные ягоды шиповника шли на чай. Варенье не варили — сахара в военное время не было, как и многого другого. Но мы не голодали. В нашем хозяйстве была корова-кормилица.

Правда, в то время обязывали живым весом сдавать государству мясо. Помню, как я рыдала, когда провожали на убой мою любимую тёлочку, в уходе за которой и я принимала участие.

Тайга приучала нас к труду с раннего детства, поэтому дети росли трудолюбивыми, всё умели и любили делать, помогали взрослым без напоминаний, зачастую по своей инициативе. Несмотря ни на что, я вспоминаю своё детство в светлых красках, с любовью к природе и своей семье.

Как я постигала грамоту

Интерес к книгам и чтению у меня появился после четырёх лет.

Но не было ни азбуки, ни тем более букваря, хотя в посёлке была начальная малокомплектная школа. Буквы я рисовала пальцем в воздухе и спрашивала у взрослых их название. Быстро всё запомнила, а потом и догадалась, как буквы сложить в слово.

Уже в пять лет я бегло читала, настолько хорошо, что учительница Галина Ефимовна пригласила меня к своим ученикам в класс, где я читала им вслух книгу о приключениях животных. В школу меня потом взяли раньше положенного срока.

Книги, которые были в школе, я прочитала быстро, а других книг негде было взять: наш посёлок Кривляк был далеко от всех цивилизаций. На нашем чердаке стоял ящик со школьными тетрадями моих старших сестры и брата, которые учились в Ярцево, в районной школе. Я эти тетради все изучила. А ещё там была толстая книга «Беседы о социализме», которую я знала почти наизусть. Мечта моя была, чтобы меня с чердака

никуда не звали, забыли обо мне... Но мама, находя там меня, просила то грядки в огороде прополоть, то сделать что-то другое по дому.

Страсть к чтению осталась во мне на всю жизнь и очень скрашивала всегда какие-то трудности моего бытия. Эта любовь к чтению, кстати, передалась моим детям — сыну и дочери, внукам, помогая им учиться. И вообще, хорошо, когда внутренний мир человека обогащён знаниями. Таким людям никогда не скучно в жизни. Из книг я многое узнала об искусстве, об окружающем мире. Позже я уже знала, куда мне надо пойти, бывая в Москве, Ленинграде и даже за границей. Это музеи, о которых я прочитала раньше, примечательные места, связанные с историей и литературой. Мне и сейчас интересно видеть и узнавать новое.

Моё первое путешествие

Недалеко от нашего посёлка Кривляк, на том же левом берегу Енисея, было плотбище Мамонтово. Это несколько избушек в лесу, где жили и работали на заготовках древесины рабочие, в основном женщины. Среди них было только двое мужчин, которых не призвали на фронт из-за возраста. Одним из них был мой отец. На долю этих людей пришлось столько тяжёлого физического труда!..

Когда я училась в первом классе, во время зимних каникул меня взяли в поездку на плотбище. В обозе из лошадей туда возили грузы. Одна из обозниц, наша родственница, посадила меня на сани с грузом, закутала в тулуп, и мы поехали. Восторгу моему предела не было: я ехала в гости к моему отцу, тяте!..

Надо сказать, что эта поездка была труднейшая. Снегу в тайге было очень много. Я и сейчас думаю: как женщины могли пробиваться тогда по бездорожью, как лошади могли провозить такие грузы?

Приехали мы на плотбище ярким солнечным днём. Среди высоченных деревьев на белом снегу казались маленькими и избушки, и люди. На ночёвку меня определили в избушку, где жили мой отец с напарником, таким же ссыльным. Посреди не стояла печурка, которая нагревалась докрасна. Было тепло. Я лежала на нарах, довольная и умиротворённая. Я же никогда-никогда не ездила из дома! Развлечений тоже никаких у нас в посёлке не было. Можно только представить себе, каким

событием было для меня это путешествие, которое запомнилось на все мои долгие годы!..

В дни войны

Мне пять лет...

Вспоминается солнечный тёплый день. Моя старшая взрослая сестра Маня намыла полы, натирая веником — голиком — с речным песком широкие некрашенные половицы. Сестра приехала из Ярцево, где она только что окончила школу, получила аттестат зрелости. В доме её собирали на учёбу в медицинский институт города Томска. Мама шила постельник — чехол для свёртка постельного белья, которое надо было везти с собой. В нашем доме, состоящем из одной комнаты на всю семью, — чисто, уютно, тепло, спокойно.

И вот из чёрной тарелки репродуктора, что закреплён на стене, пришла страшная весть о войне. Фашистская Германия посмела напасть на нашу страну!.. Тревога поселилась в доме. Известие о войне означало и то, что два моих взрослых брата уйдут на фронт. Папу по возрасту в армию не взяли, ведь он ещё в Первой мировой войне участвовал. А сестру Маню мобилизовали на военный завод-комбинат в Кемерово, где она проработала старшим табельщиком и была комсоргом 5-го производства комбината № 392 все годы Отечественной войны. Производство было очень опасным (порох).

Я, научившись рано читать и писать, ещё до школы отправляла братьям открытки на фронт, получала от них ответ. Старший из них, Аркадий, служил в погранвойсках, и его дороги военные прошли через Венгрию, Чехословакию, Австрию, Германию. Василий санинструктором воевал на Карело-Финском фронте (Волховское направление). Братья мои по окончании войны вернулись домой, хоть и с ранениями. Они награждены орденами и медалями за мужество и доблесть. Их возвращение было большим счастьем и радостью для нас, ведь в посёлке многие семьи потеряли родных на этой войне.

Учёба в Ярцево

Посёлок Ярцево — в двенадцати километрах от Кривляка, на том же левом берегу Енисея. Но на пути в Ярцево — широкая река Сым, приток Енисея. Никакого транспорта, кроме

лодки летом, а зимой — пешком по льду реки. Я окончила начальную школу в Кривляке, а дальше, в пятый класс, отправили учиться в Ярцево. Определили меня жить к знакомым людям, у которых жили во время учёбы мои старшие брат и сестра.

Когда читала «Уроки французского» Валентина Распутина, думала: «Это про меня!» Иногда зимой, по субботам, после второй смены в школе, мы, группа из пяти-шести человек, собирались и шли пешком по Енисею домой, в Кривляк. Река замерзает «неспокойно» — всюду торчат торосы-льдины, идти трудно. Ночи лунные, красота кругом. А когда выйдем на поворот Енисея, засветятся на крутом берегу огоньки родного Кривляка. Это хорошо, если всё тихо. А вдруг буран? Как-то было однажды, когда ещё сестра моя училась: пришлось им с подружкой в сугробе ночевать, снег копать руками в рукавичках, чтобы только двигаться. Знали, что спать нельзя, иначе погибнут. Искали их, к утру нашли. Живы, но простыли да руки-ноги слегка подморозили. В те времена не было ни машин, ни тракторов. Хорошо, если в редких случаях попутная упряжка подвезёт.

Училась я отлично. Сейчас говорят: мол, надо следить за учёбой детей. За мной никто не следил, а помню, как маме хвалили меня.

Конечно, я скучала по дому, особенно когда долго не виделась с родными. Мне же было всего одиннадцать лет, сейчас это — дети.

Потом я всегда говорила сестре: «Мы — кулацкие дети!» Поэтому и жили в любых условиях достойно, как наши замечательные родители. И посёлок Кривляк тогда и состоял из таких людей. На генетическом уровне они были трудолюбивые, ответственные, очень честные, искренние и доверчивые. Сейчас, к сожалению, это встречается редко, и о таких говорят, якобы они несовременны...

Я горжусь всеми своими родственниками, вышедшими из нашей семьи. Они вырастили хороших детей, внуков, правнуков.

Как я полюбила классическую музыку

Очень рано я стала начитанным человеком с отличной памятью, что стало благодатной почвой для многого в моей жизни. С седьмого класса я училась в Красноярске: четыре года школы, потом четыре года — институт. Мой старший брат Василий, у которого я жила, по работе летал в Москву. И там он ходил в

театры, чаще в Большой. Почему он это делал — для меня загадка. Где он приобщился к театральному искусству в те годы?..

Василий привозил программки с оперных и балетных спектаклей, содержание которых я читала и запоминала сюжеты, фамилии артистов-исполнителей. Потом ещё где-то читала об этом. Но главное — это радио, которое в те годы было изумительное. У меня был наушник — одна небольшая чёрная «штучка», которую я прикладывала к уху и слушала. С ней я ложилась спать, уроки готовила. По радио тогда передавали замечательные спектакли, трансляции прекрасных концертов. Я стала выделять и запоминать понравившиеся мне арии, музыкальные произведения. Потом стала их уже узнавать, полюбила оперы, прослушивая их. Это «Кармен» Бизе, «Травиата» Верди, «Пиковая дама» Чайковского, «Риголетто», «Аида» и др. В кинотеатрах тоже бывали показы фильмов-опер («Князь Игорь»), фильмов-балетов (например, «Лебединое озеро»). Был такой фильм — «Большой концерт» — из классических опер и балетов. Если в Красноярск приезжали на гастроли со спектаклями, я всегда их посещала. Потом уже сама знала арии наизусть со словами (раньше пели русские тексты). Арии и сейчас звучат во мне, и слова помню... У меня тогда музыкальный слух, видимо, был хороший. Помню, на покосе, куда меня в Нарве брали, я пела во всё горло, над чем весело смеялась Анисья, жена брата Аркадия.

Но самая моя большая любовь в искусстве — это балет. В Большой театр я попала недавно, так как раньше не получалось: то он летом не работал, то билеты было непросто купить, да и была в Москве наездами. И вот, наконец, увидела балет «Баядерка»! Уходила из театра в полном восторге... А в наше время уже и по телевизору (канал «Культура») бывают несколько лет циклы-конкурсы «Большая опера» и «Большой балет». Всегда слежу за этими передачами.

Любовь к классической музыке обогащает мою жизнь и сейчас...

В память о моём отце

Мой отец, Вологин Константин Яковлевич, тятя, как мы, дети, его звали всегда, родился в 1888 году и прожил восемьдесят шесть лет. Жили они в деревне Чалбучи-Кожевня Нерчинско-Заводского района Читинской области, что на реке Аргунь — границе с Китаем. Своего отца он лишился в девять лет,

оставшись с матерью и ещё двумя младшими братьями, стал главным помощником по хозяйству в семье. Две старшие сестры были уже замужем. Занимались скотоводством. Он очень в этом деле разбирался, особенно любил лошадей. Научился плотничать. Растили хлеб, выкармливали скотину. Земли были там привольные — степи... Отец рассказывал, что они корма заготавливали вдали от дома, построив там избушку-зимовье, загоны для скота, и суровыми зимами жили там «вахтовым методом».

В 1911 году он женился на маме, Александре Георгиевне Меньшагиной, тоже выросшей без отца, с матерью и четырьмя сёстрами и братом, служившей в «няньках» у богатой тётки. Работали по хозяйству очень много. Я знала, сама видела, как мама косила, например: что взмах, то готова копна. В революцию, в войну Гражданскую белые уходили в Китай, забирали лошадей под пистолетом и то, что хотели взять ещё с собой. Прошли эти времена, опять завели лошадей, выращивали молодняк, продавали. Деньги отец откладывал на сельхозмашины. А тут — коллективизация! Есть лошади, жатка — кулак!..

В своих воспоминаниях я уже писала о том, как отца в тюрьму забрали, а семью с котомками из дому выгнали — депортировали из Забайкалья (под эгидой «Великая крестьянская ссылка 1930 — 1935 годов»). Так и попали в Ярцевский субрегион (ныне Енисейский район, посёлок Кривляк), преодолев все трудности, лишения и беды тяжелейшей дороги. Отца потом освободили, с тем чтобы ему присоединиться к семье своей. И по приезде началась их не менее трудная жизнь в ссылке.

Особо хочу сказать о папе как человеке. За долгую жизнь он не обращался в больницу, не курил, я не видела его — буквально ни разу! — выпивающим ни по какому случаю! Он всё время работал: на восьмом десятке лет в Нарве вручную косил сено для трёх коров, для чего надо было ходить на гору. Косили в неудобье, среди леса, потом сено складывали в стога, а по снегу привозили ко двору. Он следил строго за своим питанием, не имея проблем с желудком. Всегда был строен, подтянут.

Папа был глубоко порядочный человек, человек слова, и требовал это от других. Поэтому и выросли его дети такими же. Папа с мамой жили с семьёй моего старшего брата. При этом он мог дать мудрые указания ему (брату) в некоторых случаях, и тот слушался. Я знаю несколько таких эпизодов в сложных и важных обстоятельствах, решающих моментах в жизни семьи.

И его слово помогало справиться с этими трудностями. Последние годы его жизни семья жила в Усть-Мане. Мимо их дома проходила автотрасса к строящейся Красноярской ГЭС. Он, наблюдая за всеми событиями, переживал за беспорядки, за брошенную технику, за бесхозяйственность, расточительность.

Всегда читал газеты, слушал радио. У нас с ним была постоянная переписка, когда я долгое время жила на Украине. У отца была привычка делать записи в календарях-численниках, отмечая почти ежедневно всё: погоду, её температурные режимы, особенности времён года, многое о своих сельхозработах и др. Таких календарей ежегодных скопилось множество. Так, хорошо зная природу, он мог выйти, взглянуть на небо, лес, найти ему только ведомые признаки и безошибочно сказать, какая будет завтра погода и наперёд, в другие дни. Не ошибался и в предсказаниях того, что можно ждать было от наступающей зимы, лета. Папа до последних дней оставался глубоко переживающим за всё человеком. Помню, уже в последние недели его жизни, когда я за ним ухаживала после того, как его в безнадежном состоянии выписали после операции домой, спрашивал меня, как обстоят дела с сенокосом, интересовался всеми новостями в крае и стране.

Я благодарю судьбу, что, будучи в летнем отпуске, смогла быть при нём последний месяц его жизни. Добрую память о наших родителях храним мы, наши дети, внуки.